Владимир Николаевич Васильев, Александр Николаевич Громов
"Антарктида OnLine"

Аннотация

Популярные отечественные авторы представляют новое направление в фантастике – альтернативная география!

Антарктида – суровый ледяной материк на самом краю света, мало интересующий мировые державы. Но если неведомый катаклизм перебросит ее в тропические широты, желающих включить новые земли в сферу своих жизненных интересов будет хоть отбавляй. Особенно если пьяные российские полярники шутки ради бросят вызов всему мировому сообществу и провозгласят независимую Антарктическую республику…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«…по-прежнему в центре внимания мировой общественности, в особенности научных и политических кругов, остается, необъяснимое мгновенное перемещение Антарктического континента в центральную часть Тихого океана. На международном геофизическом симпозиуме в Лозанне ведущие специалисты пятидесяти семи стран констатировали отсутствие сколько-нибудь убедительных гипотез, способных объяснить данный феномен. Доктор Огастес Браун из Кембриджского университета выступил с заявлением, расцененным большинством участников симпозиума как скандальное: „В настоящее время мы бесконечно далеки не только от раскрытия этой тайны, но даже от выявления сколько-нибудь рационального пути подхода к проблеме. По-видимому, оставаясь в рамках научного метода, мы никогда не сможем объяснить внезапный „прыжок“ Антарктиды. Речь идет о границах человеческого познания… Я намерен задать вам, дорогие коллеги, прямой и честный вопрос в надежде получить столь же прямой и честный ответ: должны ли мы предпринимать дальнейшие попытки отворить лбом запертую дверь? Не следует ли нам принять свершившееся как данность, ни в малейшей степени не зависящую от нас и не объяснимую при помощи наших мысленных усилий? Никто ведь не спрашивает, отчего летает Лаггута, – она просто летает…“ Выступление доктора Брауна неоднократно прерывалось неподобающими выкриками с мест и даже свистом…»

(Рейтер, ?? апреля 20… года)

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Рокировка

Автопилот взбесился как раз в ту минуту, когда стюардесса Жаннет Пирсон внесла в пилотскую кабину поднос с двумя чашечками дымящегося кофе, двумя сандвичами с ветчиной, предназначенными командиру корабля, и одним чизбургером для второго пилота, не любившего ветчины. «В-767» заложил глубокий вираж. С точки зрения пассажиров, он свалился на правое крыло столь стремительно, словно это самое крыло вдруг обломилось под корень и улетело прочь.

Однако обе плоскости оставались на своих законных местах, двигатели также не выключались, и ничто не свидетельствовало об отказе системы управления. До последней секунды полет проходил штатно. Ни облачка, ни нарождающегося циклона, ни бродячей зоны турбуленции. Ближайший грозовой фронт проходит столь далеко, что о нем можно забыть. Видимость – миллион на миллион. С высоты девяти с половиной тысяч метров желто-зеленые атоллы архипелага Тувалу четко вырисовывались в густом ультрамарине Тихого океана. Несколько минут назад была пересечена линия перемены дат, и пассажиры чартерного рейса Гонолулу – Брисбен, главным образом австралийцы, возвращающиеся с приятного отдыха на Гавайях в пекло зимней Австралии, были оповещены о том, что в одно мгновение перепрыгнули из двадцать четвертого в двадцать пятое февраля. Еще через полтора часа под крылом проплывет выводок островов государства Вануату, левее останется французская Новая Каледония, и лайнер выйдет на финальный отрезок маршрута. В двух сотнях миль от австралийского побережья его поймают радары аэропорта, и только тогда пилоту найдется иное занятие, кроме как вполглаза контролировать работу пилотажного комплекса.

Ударившись о переборку, Жаннет вскрикнула не столько от боли, сколько от испуга. Поднос выскочил из рук и прыгнул прямо в лицо. Ожгло горячим кофе. Чизбургер и сандвичи посыпались на пол.

Не стало сил держаться на ногах. Она упала бы, если бы перегрузка милостиво не прижала ее к переборке, позволив лишь сползти вниз. Жаннет не сомневалась: случилось что-то серьезное, но что?

Слыша возгласы пассажиров, стюардесса механически отметила: паники еще нет, пока налицо лишь удивление и возмущение. Нормальная человеческая реакция, когда лайнер выделывает акробатические трюки и только что разнесенные напитки опрокидываются пассажирам на колени. Чтобы испугаться, а тем более запаниковать, человеку требуется время. Разумеется, в любом рейсе среди пассажиров неизбежно окажется один или несколько тех, у кого еще в аэропорту заранее трясутся поджилки при одной мысли о посадке в самолет; обычно они и становятся катализаторами паники в любой нештатной ситуации, для них временной промежуток между началом происшествия и окончательной потерей самоконтроля чрезвычайно мал.

Обошлось. Пять, десять секунд – и из первого салона до слуха Жаннет донеслись отнюдь не панические возгласы и облегченный смех. Лайнер не падал – он завершал разворот и аккуратно выравнивался. Сейчас командир корабля обратится к пассажирам с извинениями за причиненное беспокойство: по требованию наземных служб пришлось срочно очистить воздушный коридор, возникла необходимость обойти грозовой фронт или что-нибудь в этом роде. И это будет ложью. Полет продолжается, для беспокойства нет никаких оснований, вы находитесь на борту «Боинга-767-400Е», одного из самых надежных трансконтинентальных авиалайнеров австралийской национальной авиакомпании Квантос-Эйр, известной своими высокими стандартами безопасности, ну и так далее… И это в первом приближении будет правдой.

Перегрузка исчезла. Лайнер медленно, очень медленно выполнял левый вираж, снова ложась на курс. Опершись о переборку, Жаннет поднялась с пола. Колени противно дрожали, руки тоже. Она рассердилась на себя и одновременно позавидовала пассажирам: часто профессиональный опыт дает больше оснований для страха, нежели беспочвенная мнительность. Лицо и униформа были залиты кофе, пластмассовые чашечки, сандвичи и чизбургер раскатились по полу пилотской кабины. Жаннет стиснула зубы. А ну, хватит дрожать! Делай свое дело! Во-первых, – прибери на полу. Во-вторых, – не мешай пилотам. В-третьих, – иди приведи себя в порядок. Нечего и думать о том, чтобы появиться в таком виде перед пассажирами, а что до экипажа, то одного взгляда достаточно, чтобы понять: в течение ближайших минут он вряд ли вспомнит о кофе…

Ей хватило времени и на то, чтобы наскоро помолиться.

– Слушается? – жадно спросил второй пилот.

– Как видишь.

Руки командира корабля лежали на штурвале. Автопилот был отключен. Сейчас над пилотажным комплексом колдовал бортинженер.

– Что там? – не оборачиваясь, спросил командир.

– Сейчас скажу. М-м… Кажется, все в порядке… Да, все в порядке. Уверен.

– Тогда какого дьявола он взбрыкнул?

– Еще не знаю.

– Хотел бы я знать, откуда взялся этот туман, – пробормотал второй пилот.

Действительно, синева океана под крылом исчезла. Внизу насколько хватал глаз простиралась сплошная густая облачность… или туман.

Никто не ответил. Бортинженер возился с бортовым компьютером. Командир держал курс по гирокомпасу.

– На море такой туман бывает, когда вода теплее воздуха, – сообщил второй пилот и поежился. – Такое часто случается на кроссполярных маршрутах…

– Заткнись! – наорал на него командир. – Мы где, на кроссполярном маршруте, по-твоему?

– Нет, но…

– Все в норме, – уверенно сказал бортинженер. – Видимо, случайный сбой. Ничего серьезного.

– Программа полета?

– Проверил.

Несколько секунд командир размышлял, не вернуться ли к автоматическому полету. Затем, не глядя, включил микрофон и ровным, внушающим доверие голосом передал пассажирам сообщение, содержание которого было почти точно предсказано стюардессой Жаннет, только вместо грозового фронта фигурировала зона турбуленции. За это время в его голове созрело решение: попытаться снова включить автопилот и быть начеку, чтобы мгновенно отключить его при первом подозрении на сбой в системе.

– Внимание… Готовы? Включаю.

Лайнер начал валиться на крыло. Опять на правое.

– О черт!

На этот раз только очень внимательный пассажир мог заметить неладное – небольшой внезапный крен был плавно выровнен, а по поводу автопилота командиром было сказано несколько слов.

– Не пойму, в чем дело, – встревоженно отозвался бортинженер. – Все должно работать. Голову даю, что…

– Оставь при себе свою голову, – буркнул командир и, помолчав, добавил: –Дай наше местоположение.

Несколько секунд командир смотрел на карту, отображенную на экране монитора, не замечая, что медленно роняет челюсть. Судя по карте, самолет шел вовсе не над Тихим океаном. Он шел над материком, и очертания этого материка были хорошо знакомы каждому, кто в детстве увлекался рассказами о пингвинах, морских слонах, ледовых трещинах и мужественных зимовщиках. Антарктида!

Бред…

Командир со стуком захлопнул рот.

– Кто-нибудь что-нибудь понимает?

Против воли его слова прозвучали жалобно-просяще.

Наиболее вероятная гипотеза уже сформировалась в его голове. Пилотажный комплекс получил неверные данные. Или неверно их обработал, сейчас это не суть важно. Зато в остальном автоматика сработала штатно и дважды попыталась нацелить самолет на Брисбен… исходя из заведомо ложных координат.

Была и вторая гипотеза – невероятная. Но ее командир не стал рассматривать.

– Если бы сейчас была ночь, я мог бы попытаться определиться по звездам через астрокупол, – сказал, маясь, второй пилот. – Когда-то я умел это делать. Если бы была

ночь…

– Если бы была ночь, – фыркнул командир. – Если бы на сосне росли бананы… Если бы мы могли подняться тысяч до пятнадцати и увидеть днем звезды… У нас не истребитель! У нас пассажирский лайнер, и либо у него напрочь свихнулся пилотажный комплекс, либо нас в одно мгновение перебросило через четверть окружности земного шара. Первое куда вероятнее, нет?

Бортинженер упрямо замотал головой:

– Такого сбоя никогда не бывало. Строго говоря, его просто не может быть. Комплекс либо работает, либо нет. Врать он не обучен.

– Врет, как видишь!

– Чтобы так соврать, ему необходима самая малость, – усмехнулся бортинженер, – чтобы несколько спутников ДжиПиэС разом сорвалось со своих орбит. Да и то… Проще уж предположить, что переместились мы… хотя бред, я понимаю…

На координаты, отображавшиеся на мониторе, не хотелось и смотреть. Восемьдесят семь градусов южной широты! Судя по картинке, несколько минут назад лайнер пролетел недалеко от Южного полюса и теперь удалялся от него в сторону Атлантики.

Бред, бред…

Вошла Жаннет в новой блузке, неся на подносе кофе и сандвичи. Командир раздраженно замахал на нее рукой. Стюардесса поставила поднос и вышла.

– Есть еще третья вероятность, – подал голос второй пилот. – Все мы сошли с ума и видим не то, что есть на самом деле.

– Тогда нам уже ничем не поможешь, – отрезал командир. –Будем исходить из первых двух предположений. Значит, так. Допустим, мы не верим автопилоту, берем прежний курс. Тогда, если наше местоположение не изменилось, в чем лично я совершенно уверен, мы через два часа оказываемся над Австралией и спокойно садимся в Брисбене. Если же прав пилотажный комплекс, а мы ошибаемся, то мы расходуем горючее до капли и падаем примерно вот здесь. – Палец командира ткнулся в южную часть Атлантики. – Теперь второй вариант. Мы верим этому чертову комплексу, меняем курс и идем… м-м… на Кейптаун. Если же мы по-прежнему над Тихим океаном, то не должны промахнуться мимо Филиппин и сядем в Маниле. Полагаю, в этом случае всех нас как минимум ждет отстранение от полетов. Ваше мнение?

– Спутниковая система не может давать неверные данные, – убежденно сказал бортинженер. – Она этого просто не умеет.

– То есть ты за второй вариант?

– Да.

– Я тоже, – быстро сказал второй пилот.

Командир помедлил, прежде чем принять решение. Он с тоской смотрел на облачную кипень в двух тысячах метров под самолетом. Если бы в ней был хоть один просвет! Поди определи, что там внизу: материк или океан! Начавший летать тогда, когда о ДжиПиэС и Глонасс никто еще не задумывался, командир больше привык полагаться на свои глаза, нежели на радары и спутниковые системы. Сейчас он еще не знал, что потом будет благословлять этот внезапно появившийся густой туман – не будь его, двигатели «В-767» выхлебали бы последнюю каплю топлива где-нибудь над южной Атлантикой.

Пора было принимать решение.

– Хорошо, – сказал командир, – идем на Кейптаун. Пусть всех нас примут за психов.

Сообщать пассажирам пока не станем.

Он чуть тронул штурвал, выводя машину на новый курс.

– Передайте кто-нибудь мне кофе.

– До Кейптауна топлива в обрез, – обеспокоенно сообщил второй пилот.

– Должно хватить. – Командир скользнул взглядом по индикаторам и, отпив кофе, добавил: – Если небудет встречного ветра.

Ветер был попутный.

* * *

Пытку одиночеством Максим Горобейчиков полагал одним из наиболее мучительных истязаний и тем не менее подвергался ей третьи сутки подряд. Обычных зевак вокруг лагеря экспедиции и близлежащего раскопа и тех не было. Двое подсобных рабочих, уяснив, что в ближайшие пять дней их услуги не понадобятся, повесили на прикрытые пыльными пончо спины пыльные мешки со скудным скарбом и отбыли в близлежащую деревушку проведать семьи, если Максим правильно их понял. Непросто понять местных тому, кто из всего запаса испанских слов знает только «корриду», «амиго», «пульке» да еще «буэнос диас», но лучше уж быть безъязыким с людьми, чем с языком, но без людей. Без слушателей язык не язык, а инструмент для пропихивания внутрь пищи, вроде артиллерийского банника. Не в пустоту же травить байки – что ей до баек, пустоте!

Да и вообще перуанское побережье – разве это место для русского человека? Для двоих русских – еще куда ни шло, для троих русских место вообще не имеет значения, – а для одного? Коммуникационное недоедание. Тоска. Сиди, слушай ветер с океана, хлопанье палатки да крики чаек… И пиво кончилось.

Максим облизнул губы и вздохнул. Еще два дня… Через два дня из Кордовы вернется основной состав экспедиции, все четверо. По правде говоря, сволочь этот Мануэль Рамирес, хоть и ученый с мировым именем. Пригласил не одного, не двоих – всех! Самолет прислал в Куско – не иначе договорился с каким-нибудь больным на голову меценатом… Хотя вполне может статься, что в Аргентине палеонтологи живут и в ус не дуют за счет государства, недаром тамошняя научная школа во всем мире почитается продвинутой и уважаемой. Может, университету в Кордове понадобилось срочно потратить суммы, отпущенные на международные контакты, – вот Рамирес и обрадовался возможности пригласить российских коллег из не менее продвинутой палеошколы, уже два месяца перекапывающих плиоценовые слои «по соседству», в южном Перу. Почему бы не сгонять небольшой самолет за три тысячи километров ради такой оказии? Нам бы их проблемы.

Пригласил-то Рамирес всех пятерых, но ясен пень, улетели четверо. Пятый остался скучать, ковыряться помалу в раскопе, обрабатывать находки да сторожить имущество экспедиции. И этим пятым, как назло, оказался он, Максим Горобейчиков!

А с другой стороны – можно понять выбор начальства. Самый младший, единственный аспирант среди одного доктора и трех кандидатов – это во-первых. Физически крепкий, способный в случае шторма или еще какой напасти постоять за себя и имущество, – это во-вторых. Неунывающий оптимист – это в-третьих. Кого же еще оставить в лагере? Выдюжит, никуда не денется!

Максим еще раз вздохнул и подумал о четвертой возможной причине, сподвигнувшей начальника экспедиции на жестокое решение. Устали от него, от Максима Горобейчикова? А вдруг коллеги промеж себя считают его балаболкой? Что-то

последнее время у всех враз находилось срочное дело, чуть только он, Максим, подсаживался к кому-нибудь рассказать анекдот или просто потрепаться за жизнь… Да нет, не может этого быть! Он не рассказал им еще и половины того, что хотел!..

В кастрюльке над примусом булькал «привет с Родины» – гороховый супчик с копченостями. Кажется, готов. Максим вылил суп в миску, дождался, когда немного остынет, и выхлебал до дна. Завтрак. Суп из пакетика с пресной лепешкой из неведомо каких местных злаков. Чай с карамелью. И хватит. На одну персону нет смысла изобретать более развернутое меню.

Хлопала на ветру палатка. Две трети ее объема занимали ящики с пропитанными склеивающим раствором и тщательно упакованными для транспортировки костями плиоценовых ластоногих. Вероятно, их удастся вывезти из страны: Перу не Аргентина, на палеонтологию здесь чихали с колокольни, у этой страны с избытком хватает более насущных проблем. Говорят, местная таможня удовлетворяется небольшой мздой и не чинит препятствий. Не наркотики? Кости? Ах, только по форме кости, а на самом деле пропитанные клеем куски рыхлого камня? Фосси… как ты сказал, амиго? Фоссилизированные останки? Бульона, значит, из них не сваришь? Ха-ха. Ну, грузите поживее свои кости…

Максим зевнул, потянулся и вразвалку вышел из палатки. Еще позавчера он перетащил свой надувной матрац из жилой палатки в лабораторию, ел в ней и спал. Во избежание. Хотя население близлежащей деревушки, сплошь состоящее из флегматичных, вечно курящих табак или жующих коку индейцев, вроде бы нельзя было обвинить в неудержимой тяге к воровству, но береженого, как известно, бог бережет. И Максим на всякий случай осмотрел две жилые палатки, покинутые и наглухо застегнутые. Нет, все чисто, никто ночью не наведывался…

Вот и славно.

Настроение, однако, не улучшилось. Он сходил к ближнему раскопу, находящемуся всего в пятидесяти шагах от крайней палатки. Постоял на краю, посвистывая «не нужен мне берег турецкий», прикинул программу на день. Покопаться тут? Или в дальнем раскопе?

А вдруг действительно наткнешься на что-нибудь ценное? Потом ору не оберешься: почему самовольничаешь, не мог подождать более опытных коллег, подверг экземпляр опасности, неумеха… Это он-то неумеха? Это вот этот скелет позднеплиоценового тюленя – экземпляр?! Курам на смех Почти такой же тюлень, какие сейчас по морям плавают, неспециалист и не отличит… Или лучше полизать, поискать новое захоронение – должно же оно быТь! Пожалуй, это лучше всего. Что ж, молоток в руки, веревку на плечо – и шагом марш. Вон к тем обрывам. Пока четыре сачка отдыхают от экспедиционной рутины в Кордове – трудись, юнга, драй медяшку. Отрабатывай грант.

При воспоминнии о средствах на экспедицию, предоставленных европейским фондом развития неприкладных наук, Максим ядовито хмыкнул. Знаем мы, какой он евройенский и каких наук, Это ж надо быть совсем слепым или умственно ущербным, чтобы не понять, чьи деньги вот уже несколько лет идут на раскопки плиоценовых Слоев по всему западному побережью Южной Америки – и в Чили, и в Перу и даже в Эквадоре. «Ищи, кому выгодно!» Грамотно работают ребята из НАСА по недопущению урезания бюджета своей конторы, ох и грамотно.

Астероидная опасность! Сколько в космических просторах шляется шальных каменюк, только и ждущих случая врезаться в Землю, – это же волосы дыбом! Караул!

Спасайте Землю, Мониторинг потенциально опасных объектов! Ядерное оружие – на орбиту! Самоокупаемая пропаганда опасности из космических глубин – книги, фильмы, лекции, комиксы. Нормальный пиар – кап, кап обывателю на мозги. И налогоплательщик верит и ежится, поглядывая на небо. Кряхтит, но соглашается отстегнуть денежки: валяйте, ребята, бдите и оберегайте. И конгресс утверждает.

Поучительнее примеры из прошлого Земли? Пожалуйста! Как-ниак астероиды время от времени все же сталкиваются с Землей, и следы этих столкновений остаются в виде гигантских кратеров, иридиевых аномалии, а иногда и необычных захоронений древних организмов. Классический пример – кратер Чиккусулуб и гибель динозавров. Неужели не ясно, что одно событие напрямую связано с другим?

Ах, большинство палеозоологов считает, что не связано? Вот как? Они и разговоры об этом считают неприличными? При одном упоминании о связи между ударами астероидов и массовыми вымираниями их колдобит почище старика Ромуальдыча? Вот ведь вредные очкарики… Они полагают, что динозавры сходили со сцены постепенно, а к моменту падения астероида последние семь видов и так уже дышали на ладан? Они толкуют о причинах вымирания динозавров, не связанных с самопадающим астероидом? Они (вот негодяи!) раскопали, причем на территории самих США, останки двух динозавровых фаун, переживших падение астероида на сотню-другую тысяч лет?

Да. Но их возражения можно обойти при должной изворотливости. Да и кого вообще интересует мнение очкариков? Деньги-то на раскопки они берут с охотой, а их многословные отчеты можно интерпретировать так, как нужно инвестору – истинному инвестору, а не какому-то там левому Фонду…

Максим еще раз хмыкнул и, окончательно решив, что потратит сегодняшний день на разведку, сходил в палатку за веревкой и геологическим молотком. Скальные обрывы, тянущиеся к северу от лагеря, были бегло осмотрены в первый же день и большинством участников экспедиции признаны не слишком перспективными. Но Максим так не думал.

Орали чайки. Слева менее чем в километре синел океан. Максим точно знал, что нынче непременно сбегает туда окунуться – потом, когда жгучее февральское солнце выжмет из тела все запасы пота. От океана местность полого повышалась. Травянистый склон выгорел. Справа вставали горы, вблизи невысокие, округлые, поросшие густым лесом, а далеко за ними, напоминая картины Рериха, жутко отливали синим и лиловым изломанные пики Анд. Легкий теплый бриз – и ни облачка. Вот-вот из-за хребта должны были брызнуть солнечные лучи. «Чу, Солнца жрица к нам сюда должна явиться» – пробормотал Максим и ускорил шаги.

Слева остался второй раскоп, тоже довольно удачный. Кости ластоногих. Отпечатки морских водорослей в мягком сланце. Отпечатки земных мхов бок о бок с водорослями.

Большинство тюленьих скелетов, попадавшихся в раскопах, были раздроблены еще тогда, когда на них росло мясо. Зажмурившись, Максим еще раз представил себе, как это было тогда, два с половиной миллиона лет назад. Невдалеке от берега большое, даже очень большое тюленье стадо охотится за неисчислимыми косяками рыбы, кормящейся в холодных, но богатых пищей водах Перуанского течения… жирная рыба, вкусная рыба… Благодать! А в это время гораздо южнее, в семи тысячах километров от нынешнего Перу на шельф близ Антарктиды рушится Эльтанинский астероид… то есть он теперь назван Эльтанинским, а тогда это была просто четырехкилометровая космическая глыба-бродяга, повстречавшая на своем пути Землю и вонзившаяся в нее с несусветной скоростью. Мелкое море под собой она, конечно, расплескала, не заметив,

а дальше последовал собственно удар, распыливший астероид и окружающие породы, выбивший на морском дне колоссальный кратер, удар, от которого крякнула жалобно земная кора…

Ну крякнула и крякнула, ей не впервой. С ней, корой, иной раз случались катаклизмы и похлеще, причем без всяких астероидов. Минут через двадцать, постепенно теряя силу, отдавая часть энергии океану, до этих мест дошла продольная ударная волна в базальтах, и тюлени, знамо дело, встревожились. Затем, еще минут через пятнадцать, пришла гидроакустическая волна, пошумела на узком шельфе хаотичными отражениями от берега и дна желоба – и успокоилась. Успокоились и тюлени, а зря.

Впрочем, что они могли сделать, когда километровые волны цунами уже катились наискось вдоль Тихоокеанского побережья Южной Америки, мало что не перехлестывая через Анды? Удирать подальше в океан? Нет, наверно, было уже поздно…

Можно себе представить ужас несчастных ластоногих, подхваченных и вознесенных на гребень колоссального мутно-зеленого вала, неукротимо катящегося к горам! До удара о скалы, до бешеной мясорубки чудовищных бурунов многие тюлени были еще живы.

Очень недолго. Изогнувшись, вал опрокинулся, с ревом снес с прибрежных гор все, что плохо держалось, а все, что притащил с собой, швырнул себе под брюхо и накрыл сверху. Побесился, смывая холмы, побурлил и схлынул. От большинства морских обитателей, плененных им, даже мокрого места не осталось; от меньшинства остались измочаленные фрагменты; наконец, совсем уж немногочисленным трупам «повезло» уцелеть более или менее неповрежденными. Последний вал, отступая, захоронил их вперемешку с останками сухопутных организмов в ложбине под слоем обломочного материала и клейкого ила. По всему андскому побережью в плиоценовых слоях такая каша, но только здесь, в Перу, найдены заброшенные на сушу скелеты морских позвоночных – южнее в смеси сухопутного и морского материала находят лишь всякую мелочь вроде диатомовых водорослей. Оно, конечно, в Чили валы были еще выше и злее…

Вот и копаются палеонтологи в плиоценовых слоях известно на чьи денежки ради нетерпеливо ожидаемого инвестором заключения: падение астероида приведет к глобальным экологическим катаклизмам, от которых вымрут сотни и тысячи биологических видов, а уж человек с его спецификой – в первую очередь. Пока что ни одна группа исследователей не продемонстрировала столь вопиющее отсутствие научной добросовестности, чтобы подтвердить подобный бред. Нет, если лидер ядерной державы с перепугу задействует пресловутый чемоданчик с кнопкой, то в принципе все возможно – однако при чем тут биология вообще и палеонтология в частности? Вот они, наглядные следы падения Эльтанинского астероида – и что? Волна – была. Еще какая. Иридиевая аномалия соответствующего возраста – имеется. «Астероидной зимы» – не было. Выброшенная в стратосферу пыль осела за считаные недели, если не дни. На планете не вымер ни один вид живых существ. Иное дело, что особям, оказавшимся в месте падения или попавшим под километровую волну, было э… несколько неприятно, скажем так. Тем же тюленям. Но при чем тут глобальная катастрофа? Локальные, чисто локальные последствия, угрожающие в случае повторения отдельным группам людей, но никак не человечеству в целом…

Повторится такой катаклизм завтра – несколько прибрежных стран, безусловно,

смоет. Удар астероида «сбросит» напряжения земной коры, и раньше времени произойдет ряд землетрясений. Возможно, из-за пыли и временного похолодания кое-где погибнут урожаи. И только. Человеческая цивилизация, бесспорно, уцелеет.

Собственно, черновик отчета об экспедиции можно было написать еще в Москве, а на месте лишь дополнить. С Эльтанинским астероидом специалистам уже давно все предельно ясно. Ничего принципиально нового здесь не выкопаешь, никаких принципиально новых выводов не услышит инвестор и от российской экспедиции, и опять придется ему изворачиваться, охмуряя обывателя: замалчивать одно, выпячивать другое… Что ж, в следующий раз он даст денег другим в надежде, что они напишут то, что ему, инвестору, надо…

Конечно, поездка в Перу сама по себе интересна, однако Максим в который раз подумал о том, что неверно выбрал специализацию. Все-таки скучное это дело – заниматься кайнозойскими позвоночными. Если очень повезет в жизни, можно открыть и описать один-два неизвестных ранее вида, но обосновать новую концепцию – нет шансов. Ну, почти нет. Кайнозой слишком хорошо изучен, а главное, интуитивно понятен даже школьнику – чересчур похож на современность.

Если уж честно, то отпущенных «добрым дядей» денег хватило не на одну, а на две экспедиции, и вот вторая-то сейчас вскрывает в Туркмении действительно интересные слои, о чем упомянутому «дяде» знать совсем необязательно… А ты – отрабатывай грант.

Э-хе-хе…

Лагерь остался далеко позади. Максим прошел шагов пятьсот вдоль сланцевого обрыва, пока не увидел место, понравившееся ему при первом осмотре. Здесь несколько крупных глыб, повисших на высоте метров шести, ждали только толчка, чтобы загреметь вниз, а под ними… под ними могло оказаться все, что угодно. Или не оказаться. Во всяком случае, Максим надеялся на лучшее.

Держась от нависающих глыб подальше, он вскарабкался на кромку обрыва – действовать сверху было сподручнее. Поднявшееся над горами солнце уже жарило вовсю. Максим взглянул на океан, заранее щурясь от слепящих бликов, и обомлел.

Бликов не было, не было поблизости и океана. За те несколько минут, что Максим не смотрел в его сторону, океан неслышно отступил, оставив на желтеющем песке бурые груды водорослей. А слева, с юго-запада, совсем как Максим только что себе представлял, наискось на берег шел мутно-зеленый водяной вал.

Нет, не километровой высоты. Пожалуй, метров пятнадцати, не выше.

Край вала кудрявился пеной, изламывался и рушился на берег. Максим видел, что там творилось. Волна была еще далеко, и пока что крики суматошно кружащихся в небе морских птиц заглушали рев взбесившейся воды.

Максим побежал.

Путаясь ногами в жухлой траве, он бежал вверх по склону, негодуя, что склон такой пологий и волна, конечно, вылижет его дочиста; он не оглядывался, боясь споткнуться. Несмотря на сумасшедший бег, дыхание не сбивалось и ноги не уставали. Он бежал что было сил к ближайшему холму, как будто нарочно отодвигавшемуся от него, и понимал, что вал нагонит его задолго до того, как он достигнет подножия холма…

Но все-таки Максим бежал.

Один раз он все же оглянулся на бегу и увидел, как зеленая стена воды поглотила раскоп и палатки экспедиции. Теперь уже не стало слышно ни криков птиц, ни свиста

ветра в ушах – лишь приближающийся рев. Ощутимо вибрировала почва.

Максим вскрикнул и наддал, как спринтер. До спасительного холма было еще далеко… слишком далеко.

А значит, холму не стать спасителем.

В последний момент, уже ощущая спиной то, что, наверное, ощущает муха под опускающейся на нее мухобойкой, Максим вновь успел подумать о плиоценовых тюленях. И еще он подумал о том, что угроза гибели отдельных человеческих групп не идет ни в какое сравнение с угрозой гибели всего человечества лишь с точки зрения тех, кто не входит в эти отдельные группы…

Затем вал накрыл его. И стало темно.

. . .

Источник: http://lib.aldebaran.ru

Полную версию рассказа в формате "Word" Вы можете скачать здесь >>>